

**Замир
ТАРЛАНОВ**
г. Петрозаводск

ЯЗЫК как барометр состояния общества

Едва ли можно назвать в жизни отдельных людей и целых сообществ что-то ещё, о чём бы говорили так же часто, так же восторженно, так же бескорыстно и увлечённо, как о языке. И с древнейших времён. И это совершенно не зависит от каких-то профессиональных интересов.

Профессиональные интересы приоткрывают завесу над проникновением в строение, в структуру и историю языка.

Право же говорить о языке и гордиться им достаётся каждому от природы, с молоком матери, как и язык, ибо каждый рождается со своим родным языком, который ему кажется богаче и совершеннее всех остальных.

Вообще-то, безусловно можно говорить о языках совершенных и несовершенных, бедных и богатых, если иметь в виду их литературные формы и стоящие за ними культурные, научно-образовательные, художественно-эстетические и прочие содержательные возможности. Сейчас не об этом речь.

Умение восторгаться родным языком или языком, освоенным на уровне родного, т.е. на уровне интуиции, вдаваться в его тайны, в его истори-

ческую судьбу дано, однако, не каждому, как и музыкальный слух, талант художника или учёного. Но, тем не менее, всё это в какой-то степени развивается, воспитывается, прививается в процессе образования. Такова одна из важнейших задач и целей образования.

Происходит, таким образом, адаптация членов общества к его усреднённым культурным стандартам и массово исполняемым нормам, в том числе и языковым, охватывающим свои исторические периоды. Нормы языка способствуют лучшему взаимопониманию между участниками речевой ситуации, повышают качество общения. Как правило, языку благодарны все, причём в той мере, в какой им владеют.

Бывает, к сожалению, и так, что у тех, кто освоил некоторые нормы речевого общения на том или ином чужом языке, но профессионально и культурно далёк от него, после даже написанных ими так называемых диссертаций, появляется неспровоцированное желание использовать этот чужой язык в политических целях, чтобы нанести оскорбление побольнее своим политическим противникам, для которых он является родным.

Имеется в виду, разумеется, язык русский. Как только его не называли в последние десятилетия! И «совковым»! И языком «коммуняк»! И языком «партаппаратчиков»! И языком «тоталитаризма»! Недавно его обозвали вовсе по-базарному – «клоачным»! Что это такое, невозможно понять. Объяснить должны, по-видимому, клоачные же обитатели.

Таким, случайными диссертациями вознесённым учёным, невдомёк, что всё дурное, что можно выразить, например, на русском языке, аналогичными же словами и выражениями передаётся и на древнегреческом, и на латыни, и на английском, и на французском, и на эскимосском, и на азербайджанском – словом, на любом языке.

Подобными возможностями располагает каждый язык. На то он и язык, что на нём можно выразить всё, включая даже то, что вообще не существует.

Язык даёт нам возможность думать и говорить настолько абстрактно, отвлечённо, красиво, тонко и возвышенно или бледно, грубо, по-хамски, насколько мы способны это делать по своим культурным привычкам и воспитанию.

Дело того, кто пользуется языком, – что ему выбирать из запасников языка: то, из чего слагаются колыбельные песни, гимны и священные тексты, или то, из чего складывается «клоачный» поддон? Это зависит от культурно-языкового вкуса и степени развития личности. Язык здесь чист как слеза и безгрешен как ангел.

Вообще-то, языки независимо от того, большие они или малые, – это потрясающие труженики, достойные глубочайшей благодарности и абсолютного уважения со стороны тех, кто ими пользуется. В особенности это касается мировых языков, являющихся не только национально-культурными достояниями соответствующих народов, но и хранилищами опыта и достижений человечества в целом – всех народов, больших и малых, за всю их историю.

К таким языкам относится и русский.

Мировые языки и то, как люди должны к ним относиться, требует отдельного разговора. Но в данном случае опять-таки не об этом речь.

Речь пойдёт главным образом о русском языке в качестве одного из современных мировых языков, о русском языке в качестве русского национального достояния с тысячелетним мощным культурным шлейфом, о русском языке в качестве важнейшего культурного достояния народов исторической России и Советского Союза.

* * *

Тема языка – это одна из самых обсуждаемых тем русской культуры в течение многих столетий, в особенности начиная с Нового времени – с XVIII столетия.

Так получилось не только в силу особой исторической судьбы русской культуры, изначально и органично опиравшейся на восточнославянскую (древнерусскую) и южнославянскую языковые традиции.

Но и в силу того, что Россия в XIX столетии превратилась в одну из ведущих мировых держав филологической культуры и науки с высокоразвитыми, удивительно разнообразными и гуманистически нацеленными словесно-художественными и филологическими традициями. Во-первых, это прежде всего Золотой век русской классической литературы. Это, во-вторых, период беспрецедентного рывка русской филологической культуры и науки, в истоках своих в государственном масштабе вслед за Петром Великим поддержанной, по свидетельству М.В. Ломоносова, Елизаветой Петровной. «Ею ободрённые в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову», – уверенно писал Ломоносов в его знаменитом «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке»¹.

Развивая такую мысль, Ломоносов прекрасно осознавал *общественную и государственную значимость* своей филологической деятельности, о чём красноречиво свидетельствует и его посвящение «пресветлейшему государю великому князю Павлу Петровичу» в знаменитой «Российской грамматике»². *Своим посвящением Ломоносов практически обозначил место формировавшегося русского национального языка в качестве предмета государственной заботы на самом верху государственной власти.*

В последующей отечественной истории высокий статус филологической культуры в стране был развит дальше авторитетом и деятельностью корифеев русской литературы, блистательных творцов науки о русском языке и русской литературе – Карамзиным, Пушкиным, декабристами, Грибоедовым, Далем, И.С. Тургеневым, Белинским, Л.Н. Толстым, Чеховым, акад. Буслаевым, акад. Ф.Ф. Фортунатовым, акад. А.А. Шахматовым, Горьким, акад. Л.В. Щербой, акад. В.В. Виноградовым, акад. Д.С. Лихачёвым и многими другими.

Русский язык, русская литература, русская филологическая культура объединяли и сплавляли

народы России в едином многонациональном государстве, служа тем самым важными факторами укрепления этого государства.

С большой симпатией изображённая жизнь народов исторической России ещё в досоветский период находила своё отражение в творчестве писателей-декабристов, Пушкина, Лермонтова, В.И.Даля (Казака Луганского), Мельникова-Печерского, Лескова, Л.Н.Толстого и других творцов русской литературы.

Филологические исследования, филологи-учёные пользовались признанием и влиянием в обществе. Государство поощряло эту деятельность. Так, за свои исследования по русскому языку даже в трудные послевоенные годы академик В.В.Виноградов («Русский язык»), академик С.П.Обнорский («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода»), акад. Д.С.Лихачёв (исследования по «Слову о полку Игореве») были удостоены самых высоких государственных премий.

* * *

Чтобы представить себе традиционные взаимоотношения между филологией и обществом в нашей стране, достаточно вспомнить, каким вниманием в ней пользовались выступления, например, Корнея Чуковского по культуре речи, Ираклия Андроникова по творчеству Лермонтова, многочисленные работы о жизни и творчестве Пушкина, массово и содержательно отмечавшиеся юбилейные даты писателей.

Однако всё в корне изменилось с 1990-х годов, со времени исчезновения с исторической сцены Советского Союза.

Одна из безусловно больших потерь, которую понесли российское общество и постсоветская история народов России рубежа XX – XXI столетий – это *утрата влиятельной русской филологической культуры в широком смысле слова в качестве одной из опор национальной и историко-культурной самоидентификации.*

Что касается русского языка, то о нём не только перестали писать, но многие недруги советской системы и русской культуры взяли себе в привычку шельмовать и унижать его, о чём мне приходилось писать не раз.

Русский язык превратили в предмет торга и беспардонной политики как внутренние, так и внешние противники Советского Союза, а затем и России.

Необходимо иметь в виду, что общественный ин-

терес к языку, к словесной и словесно-художественной культуре не есть величина неизменная, одинаково проявляющая себя во всех странах.

Обострённый интерес к вопросам языка, к вопросам использования, назначения, происхождения языка неотъемлемо связан с масштабными процессами созидания этнической и общественной культуры в широком смысле слова, с активизацией массовой интеллектуальной жизни. Так было, например, в Древней Греции V – III веков до новой эры, в период расцвета греческой культуры, когда греческий язык занимал одно из центральных мест в многочисленных философских спорах и диалогах. Греческое наследство легло в основу европейской культуры, хотя языковые вопросы в ней не играли той роли, которая падала на их долю в Древней Греции.

* * *

Со второй половины XVIII столетия и вплоть до рубежа XIX – XX веков очень много внимания уделялось русскому литературному языку, его составу и выразительности, его нормам, научному его изучению, его изучению в начальных, средних, высших учебных заведениях.

О ведущей роли русского языка в отечественной образовательной системе убедительно писали такие замечательные учёные и педагоги, как Ф.И.Буслаев («О преподавании отечественного языка», озаглавленное собой революционный шаг в последующей русской школьной и гимназической жизни), К.Д.Ушинский, Ф.Ф.Фортунатов и др.

Для этого времени обычны разные спонтанно возникавшие острые дискуссии по проблемам жизни русского языка и его преподавания, в которых принимала участие широкая русская читательская аудитория.

О русском языке как о важнейшем средстве общения между народами Советского Союза, его роли в развитии и пропаганде культур этих народов, о русской речевой культуре, о художественной речи очень много писали, говорили на публичных лекциях, по радио и телевидению в советское время. Были регулярные и в высшей степени полезные передачи «Как мы говорим?», не говоря о публикациях в газетах и журналах; были передачи с чтением текстов русской классической литературы, с чтением текстов поэтических произведений и т.д.

В постсоветское время литература перестала быть опорой для поддержания и развития русской речевой культуры общества.

И сама литература лишилась критики, без которой не может существовать с пользой для читателей и развиваться.

Критики тоже не стало, ибо критика не может быть нетенденциозной, не зовущей никуда.

А куда критике звать, тоже непонятно, ибо государство не имеет собственной идеологии, нацеленной на длительную историческую перспективу.

Филологическая и в целом гуманитарная интеллигенция отброшена. Власти говорят о перепроизводстве в стране гуманитариев, не разграничивая их профессионально. В действительности же речь может идти о бесконтрольном перепроизводстве лишь разного рода узко специализированных политологов, социологов, экономистов, юристов, порождённых конъюнктурой и далёких от фундаментальной гуманитарной подготовки по языку, литературе, истории, искусству.

Труд и человек труда потеряны и преданы забвению. Торжествуют чиновник и чиновничество, занятые собой, в том числе и организацией конкурсов, и заботящиеся чуть ли не о дотационном бизнесе. Но, как показывает опыт, построить идеологию на чиновничестве и бизнесе невозможно, и это естественно.

Вообще же, интерес к вопросам языка, речевой культуры служит своеобразным барометром, показывающим психологическое состояние общества. Они имеют смысл и являются потребностью, прежде всего, для благополучного и развивающегося общества.

Жизнь, заполненная процессами созидания, жизнь, производящая общественные блага, закономерно мобилизует и приводит в движение лучшие языковые средства. Это та среда, в которой язык воздействует на общество возвышающе.

В таких, в частности, условиях возникает необходимость и в высоком стиле языка, без которого благополучное общество невысказуемо. В условиях же смуты, государственного и общественного разбалансирования высокий стиль неизбежно приходит в упадок и исчезает из национально-культурного потребления.

* * *

В новой и новейшей истории России высокий стиль языка был утрачен единственный раз – после падения Советского Союза. Он всё ещё не восстановился, хотя с тех пор прошло три десятилетия. Не созрели условия. Общество не успело выздороветь.

Угнетённое состояние духа общества, утрата

им или отсутствие у него веры в будущее отрицательно сказывается на отношении к месту и роли языка в обществе.

В разделённом обществе язык перестаёт восприниматься как общенациональное культурное достояние и предмет национальной гордости. Он становится мишенью для нападков разделённых социальных классов, его используют в противоположных политических целях, употребляют неразумно. Люди перестают стесняться говорить и писать с ошибками на родном и общегосударственном языке. Более того, от грамматических и стилистических ошибок несвободными оказываются даже титры центральных российских телевизионных каналов и речь телеведущих.

Небрежности языка, вызванные падением речевой культуры в постсоветское время, не удаётся избежать даже таким важным и строгим юридическим документам, как законы, включая и уголовные.

Боюсь утомить читателя скучными, не очень удачно составленными и без надобности многословными примерами текстов, но этого никак не избежать. Не избежать также и скучных комментариев к ним, коль скоро речь идёт о таких скучных материях, как законы. Читателю полезно быть знакомым и с такими текстами. Вот несколько произвольно подобранных примеров.

Пример первый:

«Неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан, – наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет» (статья 140. Отказ в предоставлении гражданину информации. Статья в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162ФЗ)³.

Посмотрим сначала, как текст закона построен по предъявляемым к нему жанровым требованиям.

В тексте обращают на себя внимание следующие моменты, связанные с речевой культурой делового языка (делового стиля).

- 1) Диспозиция (констатирующая часть) и санкционирующая часть закона развертываются автономно, с ориентацией на свои опорные слова.
- 2) По объёму эти части, как правило, асиммет-

ричны, следовательно, не соотносительны между собой по количеству используемых языковых средств.

3) В их наращивании очень значительна роль перечислительных и альтернативно-перечислительных отношений между составляющими текста.

В рассматриваемом случае текст диспозиции включает в себя два стержневых субстантивных слова (*отказ* и *предоставление*) с длинными рядами зависимых от них слов (четырнадцать единиц в первом случае и пять во втором), к которым еще относится и общее для них условное придаточное предложение из девяти слов.

Весь этот массив диспозиции занимает место «группы подлежащего» (Шахматов) и предшествует сказуемому, начинающему собой санкционирующую часть закона, неизменно располагаясь на стыке двух структурных его частей в качестве непосредственно составляющих. *В нем много слов и их сочетаний, которые монотонно соседствуют между собой, никак не влияя на перспективу развертывания фразы, но только делая ее объемной и тяжеловесной.*

Таким образом, позиция подлежащего (предмета, о котором идёт речь) в тексте диспозиции закона предстает *синтаксически гиперболизированно*.

Правильно ли это?

Это естественно для языков аналитического строя.

В русском языке этому соответствуют иные возможности, характерные для языков синтетического строя, к которым он и относится с его хорошо развитой падежной системой.

Что касается приведённого текста закона в целом, то он:

1) статичен,
2) лишен динамики при использовании даже глагольных слов, которые всегда выступают субстантивированно.

3) Распространители опорных слов в нем располагаются на одной плоскости и

4) связываются между собой, как говорилось, почти исключительно перечислительными отношениями, ведущими к однородности компонентов высказывания (членов предложения).

5) Это делает фразу тяжёлой для восприятия и осмысления.

Текст закона, будучи открытым справа и слева, лишен централизации. Централизация его носит лишь символический характер. Единственный централизирующий компонент текста – это сказуемое, которое вместе с тем выступает и в качестве выразителя его двучастности, т. е. своего рода пограничного символа. Двучастность же текста

закона, неизменно базирующаяся на номинативном строе предложения, предопределяет и то его свойство, что в нем не может быть безличных и других односоставных, а также неполных предложений, столь частых и выразительных не только в художественной речи, но и в русском языке в целом. В этом отношении текст закона стоит особняком. Это один из тех нередких случаев, когда стилистика ограничивает для использования функциональное поле грамматических категорий и форм.

Все сказанное, в конечном счёте, делает текст закона громоздким, многословным, трудно воспринимаемым, лишенным строгой логической последовательности, перегруженным однотипными формулами, которые затрудняют уяснение смысла.

Складывается впечатление, что тексты действующих российских законов неоригинальны, но представляют собой плохо адаптированный перевод текстов, составленных на аналитических языках, например на английском.

Именно к таким очень сложным можно отнести, например, следующий текст закона:

«Использование в крупных размерах помимо средств соответствующего избирательного фонда финансовой (материальной) поддержки для проведения избирательной кампании кандидата, избирательного объединения кандидатом, его уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным по финансовым вопросам избирательного объединения, избирательного блока, использование в крупных размерах помимо средств соответствующего фонда референдума финансовой (материальной) поддержки для выдвижения инициативы проведения референдума, получения определенного результата на референдуме уполномоченным представителем по финансовым вопросам инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также расходованные в крупных размерах пожертвований, запрещенных законодательством о выборах и референдумах и перечисленных на специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума, – (абзац в ред. Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ) наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четы-

рехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок» (часть 2 статьи 1411 УК РФ. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума) (абзац в ред. Федеральных законов от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ; от 10 июля 2012 г. № 106-ФЗ; статья введена Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 94-ФЗ)⁴.

К тексту статьи дается и примечание: «Крупным размером в настоящей статье признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответственно кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством в выборах и референдумах на момент совершения деяния, предусмотренного настоящей статьей, но при этом составляют не менее миллиона рублей» (Примечание в ред. Федеральных законов от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ)⁵.

Приведенный громоздкий текст чрезмерно труден для восприятия и очень монотонен синтаксически.

В то же время он вполне поддается рациональному сокращению без всякого ущерба для смысла и стилистики текста как закона.

Сравните, например, сокращенный вариант диспозиции:

Использование кандидатом в поддержку своей избирательной кампании, избирательным объединением кандидата или уполномоченным представителем избирательного объединения, избирательного блока, равно как и инициаторами, участниками, уполномоченными представителями организации и проведения референдума финансовой (материальной) поддержки, кроме средств соответствующего избирательного фонда или фонда референдума, иных средств в крупных размерах, превышающих одну десятую предельной суммы всех расходов избирательного фонда или кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, составляющую в денежном или имущественном выражении не менее миллиона рублей, – наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением права занимать оп-

ределенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Новый, скажем так, экспериментальный, вариант диспозиции закона не только исключает примечание, но, главное, короче исходного на семьдесят семь слов, прозрачнее по содержанию и лишён нежелательных однотипных повторов.

Следовательно, тексты законов должны подвергаться тщательной стилистической правке, прежде чем быть обнародованными.

Анализ показывает, что группы подлежащего и сказуемого в тексте закона, как правило, многословны и всегда развернуты в разные стороны. В нем предложение строится, таким образом, не центростремительно, как это обычно для русского гипотаксического синтаксиса, а центробежно. Этим обусловлены существенные отличия стилистики текста закона от стилистики текстов других жанров официально-делового стиля, которые пока остаются также неисследованными или малоисследованными.

При этом нельзя не заметить и того, что одна из важных задач, справедливо поставленных акад. В.В. Виноградовым перед синтаксической стилистикой еще при составлении первой полной академической грамматики русского языка (1960 г.), до сих пор сохраняет свою актуальность применительно, в частности, к языку важнейших документов современного официально-делового стиля. В.В. Виноградов писал тогда: «Изучение типизированных форм применения одной и той же синтаксической схемы предложения для выражения разного содержания – интересная задача стилистики литературного языка»⁶.

С этой точки зрения, однако, тексты законов вообще не изучались и не изучаются. Язык действующих и вновь создаваемых законов – это широкое и нетронутое поле для совместной деятельности юристов и лингвистов. Он еще ждет своих аналитиков и исследователей. Такое сотрудничество представителей двух наук послужило бы коренным интересам законотворческого процесса и содействовало бы его совершенствованию, в том числе и усилением лингвистического его сопровождения.

Или возьмём ещё один пример текста закона – с употреблением недостаточных по значению слов:

«Рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предус-

мотренных настоящим Кодексом, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации» (часть в ред. Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ; статья в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; часть 5 статьи 18. Рецидив преступлений)⁷.

В выделенном полужирным шрифтом сочетании слов употребление второй словоформы – в пределах – по значению и синтаксически адекватно тексту закона (сравните: *в пределах, предусмотренных Кодексом*), чего нельзя сказать о словоформе *на основании*, которая оказывается блуждающей во фразе и тем самым синтаксически изолированной.

Непонятно, на основании чего рецидив преступлений влечет более строгое наказание, сравните: «*Рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании... предусмотренных (!?)*».

Очевидно, что отсутствует зависимое слово, которое раскрывало бы значение господствующего слова – слова *основании*. Несмотря на это, словоформы *на основании* и *в пределах* поставлены в позиции однородных членов предложения. Но однородными могут быть лишь синтаксически равноценные синтаксические величины. Это уже синтаксическая ошибка, вытекающая из нарушения логики смыслового оформления предложения.

Корректная формулировка того же закона может быть предложена в следующей редакции: *Рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании норм, предусмотренных настоящим Кодексом, а также иные последствия в пределах, предусмотренных законодательством Российской Федерации*.

Семантическая недостаточность текстов законов чаще всего является результатом того, что при их составлении не используются, как уже говорилось, необходимые распространители, востребованные значениями господствующих слов. Об этом убедительно свидетельствуют и другие случаи. Вот еще пример: «*Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник*» (часть 1 статьи 33. Виды соучастников преступления).

После однородного ряда слов **организатор, подстрекатель** и **пособник** возникают вопросы, подсказываемые объективной языковой интуицией: **чего? чей? в чем?**

Чтобы фраза стала семантически достаточной, необходимо дополнить ее одним-единственным маленьким словом его после глагола-сказуемого *признаются*. В результате мы получим семанти-

чески достаточную и синтаксически должным образом оформленную, ясную фразу, не вызывающую вопросов, ср.: *Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются его организатор, подстрекатель и пособник*.

Довольно необычно употребляется в текстах законов и союзная скрепа *а равно*, которая нередко представляет собой образец корпоративного стилистического обычая, не соответствующего необходимости однозначной и точной передачи их юридического смысла. В высшей степени интересно было бы проанализировать практику применения подобно сформулированных норм.

Вот один из многочисленных таких примеров – часть вторая статьи 159. Мошенничество: «**2. Мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину**, – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового» (часть вторая статьи 159. Мошенничество).

Возникает вопрос, за что следует наказание:

- 1) за **мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору** или
- 2) за **мошенничество, совершенное группой лиц с причинением значительного ущерба гражданину** или же
- 3) за **мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданину?**

Примечательно и то, что в диспозиции части статьи речь идет о *группе лиц (!)*, а в санкционирующей ее части – лишь об *осужденном (!)* – в единственном числе. Подобные сбои недопустимы в текстах законов.

В подобранном нами материале юридического назначения приведены лишь синтаксические примеры. Однако в текстах законов много также сбоев в употреблении слов, их значений, собственно стилистических сбоев, которые безусловно противоречат предъявляемым к ним языковым требованиям. Желаящих получить о них более подробные сведения отсылаю к своим публикациям на эту тему⁸.

* * *

Можно, на наш взгляд, подвести и некоторый итог сказанному.

В повышении речевой культуры нуждается не только наше общество.

Всё это в не меньшей степени актуально и для всех средств массовой информации, и для законотворческой деятельности, и для той сферы жизни, которая отражена в стихии художественного слова.

В последнем случае оно предполагает возрождение литературной критики в качестве необходимой движущей силы литературного процесса и важнейшего средства пробуждения к нему общественного интереса.

Сам по себе язык никуда не зовёт. Инертно само общество. Так называемое волонтерское движение, поощряемое властью, с его частыми форумами напоминает ветер в лесу: наверху шумит, внизу тихо.

Бесконечные политические споры, заполнившие все телевизионные каналы, а также лишённые общественного интереса разговоры на грани сплетен и дурного тона – всё это едва ли имеет отношение к культуре и заботам многонациональной страны. Скорее это сигналы доразрушающихся остатков былой её культуры.

Отсюда ясно, что наше общество остро нуждается в том, чтобы были пробуждены его внутренние силы, внутренняя энергия в интересах самозащиты и строительства собственного будущего.

А это одна из главнейших, если не главнейшая, задача государства.

Примечание

¹ Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // Русские писатели о языке. Л.: Советский писатель, 1954. С. 24.

² Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 5.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 марта 2016 г. С. 66-67.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 марта 2016 г. С. 68.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка: в 2 т. Т. II. Ч. 1. М., 1960. С. 91.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 марта 2016 г. С. 9.

⁸ Тарланов З.К. Закон как текст: лингвостилистические заметки. Петрозаводск, 2019. 103 с.; Тарланов З.К. Категории времени и пространства в текстах обычного и юридического права.

Замир Курбанович ТАРЛАНОВ

родился в 1936 г. в Дагестанской АССР.

Доктор филологических наук,

заслуженный деятель науки РФ и КАССР,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Северного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),

лауреат Государственной премии Республики Дагестан

в области естественных, общественных наук и техники за 2009 г.,

член Совета по русскому языку

при Президенте (Правительстве) РФ (1996–2003),

член Союза писателей России,

председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988-2002).

Автор 30 монографий и около 360 статей по русскому языку,

общему языкознанию, фольклору, русской литературе, литературной критике.

Ряд работ по русской паремологии и творчеству

Н.С.Лескова, Р.Гамзатова переведен на французский и др. языки.

В «Севере» печатается с 1971 г.

